

«Красная звезда»

Они уходили в разведку

19 июля 1944 года подводная лодка М-77 под командованием капитана 3-го ранга И. М. Татарина обошла остров Валаам, занятый немцами, и высадила на соседний остров Предтеченский четырех разведчиков. Они должны были собрать сведения о количестве немцев на острове и их вооружении. Задание было выполнено, остров Валаам освободили быстро и без ущерба для исторических памятников, находящихся на нём. Как это было, вспоминает Николай Павлович БАВИН.

– На острове Предтеченский мы должны были пробыть пятеро суток. Наша задача – разведать, чем занимается противник, обо всем увиденном сообщать по радио своим. Нашли хорошее место для наблюдений, замаскировались. Подготовили рацию для связи. Радист Иван Бондарев в назначенное время должен был выходить в эфир, но не решился – у немцев были мощные пеленгаторы.

Каждый день прилетали два наших истребителя, кружили над нами, качали крыльями. Мы догадались, что в случае необходимости они окажут нам помощь.

На пятые сутки стали ждать подводную лодку и готовиться к эвакуации с острова. Мы переправились к ней, посигналили фонариком. Услышали

тихий окрик: «Кто идет?» Стоявшие с автоматами на борту лодки матросы встретили нас радостно, особенно наш обеспечивающий, старший лейтенант

Мальцев. Он до нас высаживал на остров еще одну группу разведчиков, но она не вернулась. И теперь, не имея с нами связи, он был в отчаянии. Но мы вернулись, и Мальцев чуть не плакал от радости.

А в Новой Ладоге так же переживал начальник разведотдела капитан 3-го ранга Н. П. Каменев. Оттуда в нужное время нам подавали сигналы, мы их узнавали, но приняли решение не отвечать, чтобы нас не запеленговали немцы.

Переживал и командующий Ладожской флотилией контр-адмирал В. С. Чероков, который лично следил за нашей разведгруппой, ведь наша группа – единственная, которая сохранилась на Ладоге за всю войну. В штабе флотилии мы рассказали, почему не выходили на связь, и командование одобрило наши действия.

На другой день после прибытия нас вызвали к контр-адмиралу В. С. Черокову, где собрались все, кто участвовал в этой операции: начальник разведки Н.

П. Каменев, обеспечивавший нашу группу А. Мальцев, командир подлодки М-77 капитан 3-го ранга И. М. Татарин и его помощник, летчики. Контр-адмирал представил нас к награде.

Через 12 дней меня вызвали к штаб и предложили сходить на остров Предтеченский еще раз с армейской группой от Волховского фронта. В группу вошли: лейтенант, двое старшин и я как сопровождающий. Надо было уточнить место высадки десанта на Валаам. Такие десанты высаживались с морских охотников, бронекатеров, торпедных катеров, подводных лодок и на другие острова.

Закончили войну на Ладоге в сентябре 1944 года. В это же время освободили Карелию.

Сейчас Николаю Павловичу 91 год, но, несмотря на возраст, он всегда с ветеранами в наши праздничные дни на Ладоге. Часто бывает в музее на Дороге жизни и в Вагановской школе, рассказывает ребятам о войне и о Победе.

Татьяна ЗАХАРОВА

Краснофлотец Матрёна Сергеевна

Родилась Матрёна Сергеевна в 1921 году в Новгородской области (тогда это считалась Ленинградская область) в селе Климовщина Пестовского района. Эта старинная русская деревня находится на слиянии рек Белая и Кирва, рядом расположены древнеславянские курганы VII – XII веков. Когда-то здесь была большая помещичья усадьба и действовали две церкви. Дом Фирсовых как раз и находился возле одной из них, поэтому-то, считает Матрёна Сергеевна, она не погибла во время войны. Храм перед войной коммунисты разобрали по кирпичику. Говорили, что кирпичи нужны на строительство нового аэродрома, на самом деле ни один кирпич на аэродром так и не попал. Когда храм рушили, народу слова против сказать нельзя было – так всей деревней в знак протеста мычали: не посадят же за мычание! Матрёна Сергеевна осталась верующей, и в сложные минуты всегда обращалась к Богу. Вот такая была малая Родина у будущего краснофлота.

Семья Фирсовых была большая: детей 9 человек, она среди них – старшая. Думала, что всю жизнь будет в колхозе «Путь Ильича» работать, младших братьев и сестёр на ноги поднимать. Выучилась на тракториста, приобрела некоторый опыт работы, только захотела поменять профессию на более женскую – война все планы нарушила. Неожиданной была повестка на фронт – пришлось на время войны оставить семью без одного из главных кормильцев. Это было в июле 1942 года, ей был 21 год.

А через некоторое время Матрёна Фирсова прислала в родную деревню фотографию: захотелось ей, чтобы показали в комсомольской ячейке, что комсомолец Фирсова честно защищает Родину. А после войны ей рассказали, что односельчане глянули на фотографию и испугались: там был живой скелет – только кожа да кости. Потому что послали М. С. Фирсову в блокадный Ленинград. Она проходила срочную службу в 52-м отдельном строительном батальоне Краснознаменного Балтийского флота. Сначала девушкам-строителям поручили выполнять важное партийное задание: очищать улицы Ленинграда от последствий зимы 41-42 года. Когда её спрашивают: «Какие дни на войне были самые страшные?», она отвечает: «Когда мы собирали трупы. Их было так много, они были уже полустлевшие. Мы их укладывали в машину, а потом увозили на Пискаревское кладбище. За всю мою последующую войну не было картины страшнее этой». Заметьте, очистка ленинградских улиц была организована в начале лета, а Матрёна

30 лет в совхозе «Выборгский» Всеволожского района проработала Матрёна Сергеевна Пантелеева (в девичестве – Фирсова). Об этом вспоминает с гордостью: «У нас был богатый совхоз – 10 корпусов по 450 свиноматок в каждом. От совхоза работникам в качестве поощрения щедро давали продукты: каждый год и картофель, и капусту. Только старайся, работай».

Но в этом совхозе Матрёна Сергеевна была необычным мастером-животноводом. В числе её наград – орден Отечественной войны II степени, медаль «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», медаль Жукова и много других. Связано это было с тем, что во время войны она служила на Краснознаменном Балтийском флоте. Сейчас бы её назвали «морячкой», но тогда не употребляли этого слова, а говорили: «краснофлотец Матрёна Сергеевна», или «командир отделения сержант Фирсова».

приступила к ней фактически в августе. «Есть всё время хотелось, думали, что и сами также умрём от голода», – вспоминает Матрёна Сергеевна. – Девушки получали по 300 граммов хлеба в день и «по тарелке жидкой бурды с чёрной капустой». Из-за некачественной еды заболела Матрёна Сергеевна желтухой. Правда, это было позже, когда послали её учиться на сержанта. Она так и не доучилась – почти месяц пролежала в госпитале в Малой Ижоре.

После этого более года девушки из строительного батальона проживали в Кронштадте. Это уже другое время – блокада была прорвана. «В Кронштадте нас кормили хорошо. Одеты мы были тепло, по погоде. Нам выдали по две формы: одну для работы – ватные брюки. Я после этого долго говорила, что брюки носить не буду, они мне во время войны надоели. Другая форма была для парадов: матроска с юбочкой и тёплые сапожки. Под юбочку чулочки дали красивые». У Матрёны Сергеевны сохранилась фотография 1944 года: сидит она рядом с подругой – Марией Николаевной Кузнецовой, обе в матросках, и личики у них уже справные, круглые. Хотя служба была не из лёгких – они ходили в ночные дежурства на катерах береговой охраны.

Зимой ли, летом ли стояли на палубе по пять человек и всматривались в темноту: вдруг появится вражеское судно, пролетит вражеский самолёт? Как только обнаруживалось что-то подозрительное, девушки докладывали начальству, и тут же объявлялась тревога. От зоркости их глазок зависела судьба транспортных и боевых судов, идущих по Дороге жизни. Маленькие катера береговой охраны курсировали то в Нарву, то в Новую Ладогу, однажды катер около месяца простоял в Осиновце. Кроме ночных дежурств, девушки мыли кубрики, драили палубу, выполняли работу матросов. Стрелять из автомата по врагу Матрёна Сергеевна доводилось, но вот суда разгружать, тяжёлую физическую работу выполнять не пришлось, говорит, что жалели их мужчины-моряки.

Под началом у Матрёны Сергеевны было 8 девушек. Спрашиваю: «Заводили ли девушки романы?» Она машет руками: «Что вы? У нас этого нельзя было. За любовь на гауптвахту сажали. Возникли увлечения – тогда мне приходилось проводить с девушками беседу: что сейчас, мол, не то время, потерпите!... И тут же призналась, что у неё в Кронштадте живёт знакомая семья: дружить стали на её глазах, а после войны так и остались вместе. «Как же отдыхали девушки в свободное время?» – спрашиваю я. Опять отнекивается Матрёна Сергеевна: «Какой там отдых?! В шесть утра подъём, прогулка строем и – на работу. После ночного дежурства поспишь, бывало, два-три часа, и всё сначала».

Там же, на войне, вступила Матрёна Сергеевна Фирсова в коммунистическую партию.

В архивной справке значится, что Фирсова (Пантелеева) Матрёна Сергеевна «проходила срочную службу с 26 августа 1942 года по 1 сентября 1946 года» на Краснознаменном Балтийском флоте, который «входил в состав действующей армии с 22 июня 1941 года по 31 июня 1944 года». Для кого-то на Балтийском флоте война закончилась летом 1944 года после освобождения Ленинградской области. А для девушек из 52-го отдельного строительного батальона – нет. У войны – не женское лицо, девушкам пришлось осваивать мужские профессии. Были они «матросами», стали минёрами. Всего за три месяца обучения освоили это сложное дело. Во время войны ходил миф, что руки у девушек-снайперов и у девушек-сапёров – более чуткие, осторожные, и что им в этом деле помогает интуиция. Кому помогает, если две девушки из восьми подчинённых Матрёны Сергеевны подрывались на mine? И сама она была ранена, снаряд разорвался в руках, осколок попал в голову. Ничего – неделю полечили в госпитале – и снова на разминирование! Зато после ранения на всю жизнь осталась на лбу у Матрёны Сергеевны метка.

«Мне до сих пор снится война. А чаще всего – Наташа Плехова. Она с

Украины была, там у неё осталась маленькая дочка, муж воевал. Она нам об этом рассказывала. А потом на моих глазах Наташа подрывалась. Так и снится она мне, как я её видела, что вот стоит, и вот – её уже нет, ни слова сказать не успела. И никаких предчувствий перед гибелью не было»...

Остров Сомерс относится сейчас к Выборгскому району Ленинградской области. Вот как вспоминает о нём летавший бомбить его из Всеволожского района лётчик, Герой Советского Союза А.В. Пресняков: «На фотопланшете остров Сомерс выглядит, вроде бы, большим, а в натуре, с воздуха – маленький, незаметный. Почти неприкрыт, выдолбленный в скальной породе. Поверхность острова вся изрыта воронками». Остров прославился героическим десантом, который попытался выбить немцев в 1942 году. Об этом же рассказывает и Матрёна Сергеевна: «Там были одни камни. Мы удивлялись, как в этих камнях держались наши – их было 54 человека»... Полностью Сомерс был освобождён только в сентябре 1944 года. И вот среди этих голых камней с сопровождающими их собаками проводили операции по разминированию девушки 52-го отдельного строительного батальона Балтийского флота.

Другой остров на всю жизнь остался в памяти сержанта Фи---рсовой: эстонский Эзель, сейчас его называют Сааремаа. Его история также немного оказалась связана со Всеволожским районом. Эзель – самый большой остров в Эстонии и третий по величине в Балтийском море (после островов Зеландия и Готланд). Здесь живописная природа: несколько озёр и болота, имеются населённые пункты. В августе 1941 года на остров Эзель перебазировалось 15 экипажей Первого минно-торпедного полка, которым командовал Е.Н. Преображенский. (Жители Всеволожска знают, что во время блокады Ленинграда лётчики этого полка проживали во Всеволожске в «Доме 43-х героев»). В ночь с 4 на 5 августа 5 советских самолётов сделали разведыва-

тельный полёт на Берлин, а 7 августа осуществили первую бомбёжку Берлина, посеяв тем самым в Германии неизвестный дотоле фашистами ужас и первые признаки неуверенности в себе. Однако с 3 по 5 сентября 1941 года была произведена эвакуация красноармейцев, и остров Эзель оставлен немцам. Героическая битва за эту территорию возобновилась в октябре 1944 года. Немцы придавали ей большое стратегическое значение, и оказали упорное сопротивление. К этому времени они соорудили на Эзеле мощные защитные сооружения, на отменях – многоярусные противодесантные проволочные заграждения. Берега острова сильно изрезаны и образуют много мысов и полуостровов. Противник на каждом клочке земли, выступающем в море, построил доты и дзоты. Все дороги и даже тропы были заминированы. За каждым минным полем находилась сеть траншей, окопов и укрытий. Вот в таких условиях в течение месяца приходилось работать девушкам после того, как остров был освобождён в ноябре 1944 года. Здесь каждая пядь земли была просмотрена осторожным взглядом, каждый метр прощупан их маленькими ножками. На Эзеле они сдали сотни взрывателей, и только после этой работы на острове там стала возможна мирная жизнь.

«Меня война настоящей жизни научила. С тех пор, как я скажу – так и будет», – обобщает свой военный опыт Матрёна Сергеевна.

После войны поехала девушка искать своё счастье в Петрозаводск. Партия нашла ей работу сестры-хозяйки в местной больнице, она вышла замуж, но, когда муж записал, не стала с этим мириться. Уехала с маленьким сыном в Ленинград, каждое лето отправляла сына на воспитание в родную Климовщину. Когда работала в совхозе «Выборгском», потихоньку перевезла к себе братьев – всем по очереди помогла на ноги встать. Оттуда вышла на пенсию. Сейчас ей 88 лет, одной уже тяжело. Вот и живёт она рядом с сыном Сергеем, внучкой Юлией и правнуком Артёмом в Санкт-Петербурге.

Хочется ещё добавить – Матрёна Сергеевна относится к тому редкому типу людей, которые во всём умеют увидеть положительную сторону. Послушать, у неё все хорошие: и сын, и сноха, и бывший начальник. И «государство меня не забывает», и на сегодняшнюю жизнь она никогда не жалуется, вроде всё у неё складывается как надо: «Только бы войны больше не было. Не дай Бог никому».

Людмила ОДНОБОКОВА